

Глава 11

— Чэн-гэ мой, и он будет только со мной.

— Другим зомби запрещено к нему подходить. Кто придёт — того прогоню.

— Хм-хм!

Высунувшись из окна второго этажа, Линь Цзао сжимал в руках насадку водомёта высокого давления и подёргивал длинный шланг.

Словно котёнок, виляющий хвостом.

Он то направлял струю воды на стену, то бормотал что-то себе под нос.

Он не знал, что Фу Чэн уже очнулся и слышит его.

Он просто...

Оставшись один на один с тремя зомби и огромными, кроваво-красными, зловонными пятнами, он немного испугался.

Поэтому он решил поговорить, издать хоть какой-то звук, чтобы придать себе смелости.

— Чэн-гэ не зомби, Чэн-гэ — мой муж.

— Даже если Чэн-гэ станет зомби, он всё равно будет моим мужем.

— Он мой, домашний, чистоплотный, воспитанный и вежливый зомби, а не какой-то дикий.

— Хе-хе!

Линь Цзао, примостившись у окна, мурлыкал и ворковал, как котёнок.

Он повторял одни и те же фразы на разный лад.

Вскоре у него пересохло во рту, а в голове опустело, и он уже не знал, что ещё сказать.

Он встряхнул шланг и начал тихонько напевать.

— «Холодный, ледяной дождь беспорядочно бьёт по лицу».

— «Тёплые слёзы, ла-ла-ла...»

Линь Цзао забыл слова.

Фу Чэн, стоя внизу, в кладовой, почувствовал, как мелкие капли воды проникают сквозь решётку вентилятора и ложатся ему на лицо.

Их становилось всё больше, они летели всё быстрее.

Фу Чэн не знал, плакать ему или смеяться. Он улыбался — нежно и беспомощно.

Как хорошо поёт его жена! И красиво, и в тему!

У них с женой телепатическая связь!

Линь Цзао держал водомёт, направляя его на стену, и смывал кровь целых десять минут.

Лишь когда стена стала чистой, а в воздухе больше не пахло кровью, он закрыл кран.

Линь Цзао смотал длинный шланг, собрал всё и понёс вниз.

Проходя мимо кладовой, он поднял руку и легонько постучал по железной двери.

— Чэн-гэ, спи спокойно. Всех твоих «друзей-зомби» я разогнал, так что не думай ни о каких ночных похождениях.

Фу Чэн изогнул губы в улыбке и попытался что-то сказать, но из онемевшего горла вырвалось лишь низкое урчание.

— Слушаюсь, дорогая!

Словно преданный пёс.

Но звук был таким тихим, что Линь Цзао его не услышал.

Он зевнул, потянулся и собрался наверх, чтобы ещё немного поспать.

Время было раннее, Сяобао наверняка ещё спал.

Пока малыш не проснулся, можно потискать его круглый животик и прижаться к пухлым щёчкам.

Мягкий, как плюшевая игрушка, да ещё и с подогревом и голосовым модулем.

В сто раз лучше любой игрушки из магазина.

Линь Цзао с удовольствием думал об этом, уже собираясь подняться по лестнице.

Но в следующую секунду сверху донёлся знакомый голос:

— Папа!

— А?

Линь Цзао от неожиданности вздрогнул и чуть не потерял равновесие.

Он схватился за перила, прижал руку к сердцу и посмотрел вверх.

На повороте лестницы стоял Линь Сяобао в пижаме с динозавриком и в наушниках, которые надел ему Линь Цзао.

Он нахмурился, надул губы и топнул ножкой.

Гнев малыша Сяобао сотрясал землю!

— Папа, ты тайком открыл дверь и ходил к большому папе?

— Не...

— Мы же договорились, что нельзя просто так открывать дверь! Ты не держишь слово!

— Нет...

— Вы с большим папой тайно встречались, у вас было... свидание, а меня не позвали! Ты меня совсем за сына не считаешь!

— Нет же.

— Что?!

Линь Сяобао сначала очень злился, но чем больше говорил, тем обиднее ему становилось.

Он надул губы и сам себя довёл до слёз.

Его разбудили так рано.

Он хотел к папе, а папы нет.

Хотел к большому папе, а большого папы тоже нет.

Какая же горькая жизнь у маленького малыша! Горькая, как шоколад, который любит папа!

— Нет!

Увидев, что он плачет, Линь Цзао бросился к нему, перепрыгивая через три ступеньки, присел на корточки и обнял его.

— Невиновен! Я не виновен! Ваше высочество... о, ваше ничтожество!

Линь Сяобао замер, его глаза от удивления расширились.

Папа, как ты смеешь меня оскорблять!

Я смотрел много мультиков и сериалов!

Я не безграмотный! Я знаю, что «ничтожество» — это плохое слово!

— Нет... — Линь Цзао поджал губы, с трудом сдерживая смех, и поправился. — Невиновен, малыш, малютка, Сяобао.

Линь Сяобао надул губы и щёки, всем своим видом показывая недоверие.

Линь Цзао обнял его, легонько покачал и серьёзно объяснил:

— Папа не открывал дверь, я просто постоял снаружи и поговорил с большим папой.

— Правда? — с сомнением спросил Линь Сяобао.

— Конечно, правда, — продолжил Линь Цзао. — Только что возле нашего дома бродили монстры, хотели пробраться внутрь и укусить тебя за попу.

Линь Цзао разжал руки и ущипнул его за ягодицу.

— Ай! — Линь Сяобао дёрнулся, пытаясь вырваться. — Говори, так говори, зачем кусаться!

— Папа, чтобы защитить тебя и большого папу, взял оружие и сражался с монстрами триста раундов, битва была такая, что небо и земля потемнели.

— А потом? — Линь Сяобао моргнул и с тревогой посмотрел на папу.

Наивный малыш уже полностью поверил его словам.

— Папа победил?

— Конечно.

Линь Цзао закатал рукава, демонстрируя свои тонкие, белые руки и идеальные мускулы, и уверенно сказал:

— Иначе как бы вы с большим папой так спокойно сидели дома?

— Ух ты! — глаза Линь Сяобао заблестели от восхищения. — Папа, ты такой сильный.

— Но... — Линь Цзао перестал улыбаться, опустил глаза и вздохнул. — Эх...

— Папа...

Линь Цзао отвернулся, чтобы сын не видел его слёз:

— А Сяобао меня не понял, да ещё и так грубо со мной разговаривал. Мне так обидно...

— Прости, — Линь Сяобао тут же бросился к нему в объятия, обнял его и принялся похлопывать по спине. — Прости, папа. Я не нарочно.

— Уа-а-а! — Линь Цзао зарыдал ещё громче.

Линь Сяобао принялся суетливо его утешать, пытаясь вытереть ему слёзы.

— Я... я утром проснулся, а тебя рядом нет, вот и подумал, что вы с большим папой меня бросили.

— Потому что большой папа уже так делал. Мы с папой спали вместе, а он, пока я спал, перенёс меня в мою кроватку и один завладел папой!

— Я подумал, что и в этот раз так же, поэтому... поэтому...

Линь Сяобао обнял папу и, как папа убаюкивал его, легонько покачал.

— Прости, папа, я тебя неправильно понял.

— Ладно, — кивнул Линь Цзао. — На этот раз я тебя прощаю.

Линь Сяобао посмотрел на лицо папы и почувствовал, что что-то не так.

Слёзы? Где слёзы?

Ну и ладно!

Главное, что папа его простил!

— Спасибо, папа! — глупо улыбнулся Линь Сяобао.

— Пойдём, — Линь Цзао взял его за руку. — Пойдём наверх чистить зубы, умываться и переодеваться.

— Хорошо.

— Что будешь на завтрак? Кашу или лапшу?

— Хм... — Линь Сяобао склонил голову набок.

— Опять будешь своей считалочкой выбирать? — догадался Линь Цзао. — Ну, считай про себя, а мы пока...

Говоря это, Линь Цзао взял сына за руку и, встав, хотел повести его наверх.

Но не успел он договорить, как, поднявшись, почувствовал, что в глазах потемнело, ноги подкосились, и он зашатался.

— Папа! — обернувшись, закричал Линь Сяобао.

В тот же миг железная дверь кладовой содрогнулась от удара.

Словно Фу Чэн тоже крикнул:

— Сяо Цзао!

— Ничего... я в порядке...

Линь Цзао помотал головой, но перед глазами всё плыло.

Всё было точно так же, как и утром, когда он проснулся.

— Папа, как ты?

Линь Сяобао обхватил его за руку, пытаясь удержать своим маленьким телом.

— Я отнесу тебя наверх отдохнуть! Я — силач!

— Ничего, ничего, папа в порядке...

Боясь сбить его с ног, Линь Цзао остановил его и, оперевшись о стену, осторожно сел на ступеньку.

— Просто голова немного кружится, наверное, сахар упал. Сяобао, сходи наверх, принеси папе пару конфет...

— Хорошо!

Не успел он договорить, как Линь Сяобао уже сорвался с места и бросился наверх.

— Папа, сиди здесь и жди меня!

— Хорошо, — Линь Цзао закрыл глаза и, придерживая голову, кивнул. — Не торопись, не упади.

— Угу!

Линь Сяобао решительно кивнул и, перебирая короткими ножками, со всех сил понёсся вверх.

На Новый год большой папа возил их на оптовый рынок, и они купили много конфет, целую машину набили.

Сейчас он их принесёт!

Линь Цзао сидел на ступеньках, закрыв лицо руками.

Всего за несколько секунд его лицо и губы побелели.

Перед глазами всё плыло, голова кружилась, по телу пробегала испарина.

В ушах стоял гул, вокруг была тишина, и Линь Цзао слышал лишь оглушительные удары собственного сердца.

Он пошатнулся и чуть не упал.

В этот момент железная дверь кладовой снова содрогнулась от двух сильных ударов.

Фу Чэн бил в дверь так, словно хотел выломать её и броситься к Линь Цзао.

Он действовал не раздумывая.

Когда Линь Сяобао закричал «папа», он потерял контроль.

Он ударил в дверь инстинктивно, желая вырваться наружу.

В его голове бился один и тот же вопрос:

Что со Сяо Цзао? Что случилось?

Там кто-то есть? Почему так тихо?

Где моя жена? Где мой сын? Что с ними?

Выпустите меня! Выпустите! Я должен найти их!

Грохот ударов привёл Линь Цзао в чувство.

Он поднял голову и растерянно огляделся.

В следующую секунду донёлся голос Линь Сяобао:

— Иду! Папа, я иду!

Он бежал вниз, сжимая в обеих руках по большой горсти конфет.

Но его ладошки были слишком маленькими, и он не мог удержать всё.

Конфеты посыпались на пол, и в руках у него осталось всего несколько штук.

Линь Сяобао отдал все конфеты Линь Цзао, но, боясь, что у него не хватит сил развернуть их, тут же забрал обратно и принялся разворачивать.

— Папа, не волнуйся, я сейчас всё открою!

— Хорошо, Сяобао, ты тоже не торопись...

Линь Цзао протянул руку, взял леденец со вкусом личи и положил в рот.

— Папа, ешь скорее! Вот ещё!

Линь Сяобао, решив, что этого мало, развернул ещё один, с яблочным вкусом, и вложил ему в руку.

Развернув все конфеты, что были в руках, он побежал на лестницу, собрал те, что упали, и продолжил их разворачивать.

Арбуз, персик, клубника.

Одну за другой он совал их Линь Цзао в рот.

— Папа, ешь! Скорее!

— Хорошо...

Линь Цзао, с полным ртом конфет, говорил невнятно.

Он пытался отказаться:

— Хватит, хватит, уже достаточно, рот полон... дай папе отдохнуть...

— Тогда ешь мармелад! — серьёзно сказал Линь Сяобао. — Мармелад можно жевать, папа, пожуй и проглоти. Я сейчас принесу!

— Не надо...

Не успел он договорить, как Линь Сяобао снова убежал.

Линь Цзао не успел его остановить.

Вскоре Линь Сяобао вернулся с большой горстью мармелада.

На этот раз он держал конфеты обеими руками, осторожно и аккуратно.

— Папа, вот мармелад.

— Хорошо, спасибо, Сяобао.

— Я тебе разверну.

— Не надо, давай сначала отдохнём.

Линь Цзао надул щёки, показывая ему.

— Смотри, папа уже много съел, больше не надо.

— Ладно, — неохотно согласился Линь Сяобао. — Если тебе станет хуже, сразу скажи.

Линь Цзао кивнул и с облегчением вздохнул:

— Хорошо.

— А сейчас тебе лучше? — спросил Линь Сяобао.

— Уже намного лучше.

Боясь, что, встав, он снова почувствует головокружение, Линь Цзао не торопился подниматься.

Он сидел на лестнице, решив немного отдохнуть, пока не съест конфеты, а потом уже идти вверх.

Линь Сяобао сидел рядом, сжимал его руки в своих маленьких ладошках и тёр их.

— Папа, у тебя руки такие холодные и мокрые.

— Да.

Держа шланг и моя стену, конечно, можно и промокнуть, и замёрзнуть.

Линь Сяобао наклонился, широко открыл рот и принялся дышать ему на руки.

— Ха... ха-ха-ха...

— Ладно, не надо так стараться, — Линь Цзао приподнял его голову. — Папа положит руки в карманы, и они скоро согреются.

— Но большой папа всегда так делает для папы.

— У большого папы руки большие, а у тебя маленькие. Ещё заразишься от папы и сам станешь ледышкой.

— А.

Линь Цзао был одет в армейское пальто Фу Чэна. Он засунул руки в карманы, достал оттуда большую связку ключей и отдал Линь Сяобао.

— Сяобао, вот тебе ещё одно задание: поддержи, пожалуйста.

— Хорошо!

Линь Цзао сжался в комок, спрятал руки в карманы и принялся топтать ногами, чтобы согреться.

Линь Сяобао, обняв большую связку ключей, принялся их пересчитывать.

— Это от парадной двери, это от задней, это от комнаты, это... это...

— М? — обернулся Линь Цзао. — Какой не узнаёшь?

— Этот.

Линь Сяобао указал на шоколадную конфету, висевшую на связке.

— Папа, тут ещё одна конфета, развернуть тебе?

— Нельзя, — поспешно остановил его Линь Цзао.

— Почему?

— Эту конфету большой папа принёс снаружи. Он повесил её на ключи, и её можно съесть только в самой-самой опасной ситуации.

— А сейчас не опасно?

— Уже нет.

— Ладно.

Линь Сяобао, не до конца поняв, кивнул.

Линь Цзао обнял его за плечи и тихо сказал:

— Спасибо тебе, Сяобао. Ты своим умом и смелостью спас папу.

— Пожалуйста, — Линь Сяобао смущённо почесал затылок. — Большой папа говорит, что я — маленькая опора в доме.

— Тогда спасибо, маленькая опора.

— Хе-хе!

Линь Сяобао уже было хотел броситься папе в объятия, но, вспомнив, что тот болен, вовремя

остановился.

Линь Цзао ласково улыбнулся и погладил его по волосам:

— Большой папа принёс нам еду, папа прогнал монстров, а ты спас папу. Мы все втроём — молодцы.

— Конечно, — гордо выпятил грудь Линь Сяобао. — Но я — самый молодец.

— Вот как? — улыбнулся Линь Цзао. — Но даже самым молодцам нельзя расставаться с папой и большим папой.

— Угу.

— Наша семья никогда не должна расставаться.

Эти слова были сказаны не просто так. Они предназначались и Линь Сяобао, и Фу Чэну, но больше всего — самому Линь Цзао.

На лестнице Линь Сяобао слушал, ничего не понимая.

В кладовой Фу Чэн, прислонившись к двери, услышал эти слова, и на мгновение в его глазах прояснилось.

Он виноват, во всём виноват он.

Если бы он мог выломать дверь и быть рядом с женой и сыном.

Если бы он, будучи снаружи, нашёл какие-нибудь лекарства и принёс их им.

Если бы... если бы его не поцарапал зомби.

Прислонившись к двери, Фу Чэн почувствовал, как его охватывает огромное чувство бессилия и вины.

Он должен был найти больше припасов, должен был быть осторожнее.

Чтобы не оказаться сейчас...

За дверью, за стеной, не в силах даже увидеть, что происходит с его женой и сыном.

Внезапно к горлу Фу Чэна подступил комок, и изо рта потекла кровь.

Прошло ещё минут десять. Линь Цзао почувствовал, что ему стало лучше, и, взяв сына за руку, повёл его наверх.

— Сяобао, ты хорошо спал ночью? — тихо спросил он.

— Хм... — задумался Линь Сяобао. — Сначала я немного волновался за большого папу и не мог уснуть.

— Поэтому ты и болтал с папой, я знаю. А потом?

— А потом уснул и спал хорошо.

— А снаружи не шумели? Тебя не разбудили?

— Разбудили! — громко пожаловался Линь Сяобао. — Там львы и тигры всё время выли, я из-за них проснулся!

— Но папа же надел тебе наушники. В наушниках тоже было слышно?

— Нет, но...

Линь Сяобао замялся.

— Что такое? Песенки не понравились? Это же твои любимые.

— Потом песенки закончились, и я снова проснулся.

— М?

Линь Сяобао снял с шеи наушники и протянул папе.

Линь Цзао наклонился, чтобы послушать.

В следующую секунду из наушников полилась ритмичная старая песня в исполнении Фу Чэна:

— «У брата есть жена, и он очень любит меня».

— «У брата есть жена, он ей обещал».

— «Брат всю жизнь будет любить только меня... свою же-ну-у-у!»

Линь Цзао глубоко вздохнул и не сдержал смеха.

Когда это Фу Чэн успел записать и сохранить?

Какой же у него... безвкусный вкус!

Линь Сяобао снова надел наушники и принялся подпевать большому папе.

— Не смей повторять за большим папой, — спохватился Линь Цзао.

Он снял наушники с головы Линь Сяобао и...

Надел на свою.

<http://bllate.org/book/16977/1582777>